

ат-Таухиди, содержащее вопрос о несправедливости. Ответ на него был выделен в отдельный трактат из (утерянной) книги Мискавейха “аш-Шавамил”, написанной в свою очередь в ответ на книгу ат-Таухиди “ал-Хавамил” и включившей 175 вопросов и ответов философского, филологического, юридического характеров.

Цель трактата Мискавейх определил как разъяснение природы справедливости, выявление и описание ее видов. Он делит справедливость на естественную, условную, связанную со свободным действием, и божественную. И соответственно концепция справедливости рассматривается в ее отношении к физическому, социальному и метафизическому.

Основными источниками для данного “Рисала” (букв.: трактат, исследование) были “Государство” Платона, “Категории”, “Никомахова этика” Аристотеля, “Энеады” Плотина*. Нет смысла останавливаться здесь на вопросе о степени влияния трудов древнегреческих мыслителей на трактат Мискавейха, поскольку представленный перевод сопровождается комментариями к тем положениям, в которых особенно заметно это влияние.

В заключение мне бы хотелось выразить особую благодарность доктору философских наук Андрею Вадимовичу Смирнову за помощь, оказанную при подготовке перевода данного трактата.

Перевод с арабского выполнен по изданию: *An unpublished treatise of Miskawaih on justice or risala fi mahiyat al – ‘adl li Miskawaih* / E.J. Brill. Leiden, 1964.

1. *‘Абд ал- ‘Азиз ‘Иzzат*. “Ибн” Мискавейх. Фалсафатуху-л-ахлакиййату ва ма-садируха. Каир, 1946. Ч. 1, 2.
2. *Ал-адиб ва-л-муфаккир Абу Хаййан ат-Таухиди*. Та’ лиф ‘Али Диб. Тунис, 1976.
3. *First encyclopedia of Islam*. / E.J. Brill. Leyden, 1987. Vol. III.
4. Йакут ар-Руми. Муджам ал-удаба: В 20 т. Каир. [195?]. Т. 5.
5. *Majid Fakhry*. A History of Islamic Philosophy. N.Y.; L., 1970.
6. *Miskawayh*. The Refinement of Character. Beirut, 1968.

МИСКАВЕЙХ

ТРАКТАТ О ПРИРОДЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Во имя Аллаха милостивого и милосердного

Письмо шейха Абу Али Ахмада б. Мухаммеда б. Йакуба Мискавейха Али б. Мухаммеду Абу Хаййану ас-Суфи о природе справедливости.

Он (Мискавейх. – З.Г.) сказал – да продлит Аллах свою помощь [ему]: справедливость делится на три вида: естественную, условную и божественную. Здесь речь идет и о справедливости, связанной со свобо-

* ‘Иzzат отмечает, что Мискавейх читал эти труды в переводах Абу ‘Усмана ад-Димаш-ки, ‘Али ибн ‘Иса, Йахъя ибн ‘Ади, Хунайн ибн Исхак (см.: [1, ч. 2, с. 362]).

дой воли человека, но она входит в эти три [вида справедливости], и поэтому мы не отделяем ее от них. Мы хотим разъяснить характер каждой из них (видов справедливости. – З.Г.) и определить их особенности, акциденции и второстепенные [свойства]. Все виды справедливости принадлежат природе добра, хотя различно относятся к ней. Мы начнем с естественной [справедливости], потому что начало ее – в ощущении, и оно – самое близкое нам, затем мы перейдем от нее к божественной, которая самая далекая от нас, поскольку этот способ – самый ясный при учении, самый легкий при сообщении и наиболее соответствует философскому порядку¹.

Мы выдвигаем две допустимые посылки: первая из них [заключается в том], что истинное чистое единое, в котором нет инаковости никаким образом и ни по какой причине², – самое прекрасное из всех вещей, самое благородное [из них] и наилучшее [из них]. И поэтому в нем (истинном едином. – З.Г.) – совершенство бытия и его изобилие. Когда мы говорим – “совершенное существование” и “истинное единое”, ты должен понять, что они – одно и то же, потому что они не указывают на две различные природы. Но душе свойственно, когда она не видит в нем (едином – З.Г.) множественность ни относительно его самого (единого. – З.Г.), ни относительно его сопряженности с [тем, что] кроме него, – понять его единственность и назвать его так. Если эта посылка правильна, то противостоит ей [то], что не является единым. Я имею в виду множественность, которая есть причина противоположностей и различий, [происходящих] посредством инаковостей, среди которых – самые порочные вещи, самые низкие [из них] и самые низменные [из них] по причине несовершенства бытия и распространения его (бытия. – З.Г.) в них (вещах. – З.Г.). И если у этого множества обнаружится причина, объединяющая его (множество. – З.Г.) каким-либо образом, то оно [благодаря причине] получит часть величия и соотносительности с единым³. И в соответствии с силой объединяющей причины и ее слабостью мы наделяем их (вещи. – З.Г.) величием и низостью, и в зависимости от того, как одни с другими соотносятся в этом, говорится – это достойнее этого и это прекраснее этого⁴.

Другая [посылка] – [то], что чистое добро есть совершенное существование⁵, о котором мы признаем, что совершенство [существования] – в едином и его (существования. – З.Г.) изобилие – в нем (едином. – З.Г.), потому что природа добра есть природа существования, и нет между ними противоположности. Действительно, это имя, я имею в виду “добро”, вновь возникло, когда все вещи потребовали его [употребления], как если бы имя “добро” было бы акциденцией совершенного существования, ибо все стремится к нему (совершенному существованию. – З.Г.)⁶.

Если эта другая посылка правильна, тогда противоположная ей, которая есть зло, не [есть] существование и не [есть] единое. Суть этого слова (зло. – З.Г.) – [в том], что оно – небытие во множестве⁷. Из этих посылок допустимо, что “добро” есть существование в едином, и что зло – несуществование во множестве⁸. Поскольку первичная материя, положенная для принятия форм, и она сама по себе лишенная всех их

(форм. – *З.Г.*), постольку она связана со множественными несуществованиями⁹. Она (материя. – *З.Г.*), таким образом, – начало зла и его исток¹⁰, а ее противоположность, я имею в виду [то], что дает материи существование в вещи и оставляет в ней свою форму, – начало добра и его исток.

Это общее положение.

А что касается обстоятельного [рассмотрения вопроса], то, поистине, существование вещи самой по себе лучше, чем ее несуществование. И да не введет это [высказывание] тебя в заблуждение, когда бы ты подумал, что несуществование болезни, несправедливости и смерти лучше, чем их существование. Действительно, болезнь, несправедливость и тому подобное не являются ни вещами, ни существующими, но они – несуществующие¹¹. Поистине, эти имена приданы для указания на то, что каждое несуществование имеет в виду некоего существования. Далее, у несуществования нет существования.

Что касается болезни, то она – потеря равновесия естественного смешения; что касается несправедливости, то она – потеря справедливости¹²; что касается смерти, то она – потеря телом действий души¹³. Эти имена вводят в заблуждение многих людей, которые считают, что это – противоположности, то есть две крайности, между которыми – наибольшее расстояние¹⁴, и некоторые из которых одного вида, например, “чернота” и “белизна” и тому подобное¹⁵. Но это неверно. Однако здесь мы не будем рассматривать этот вопрос. В целом же, следует знать, что они – противоположные вещи, относящиеся друг к другу как крайности. Каждая пара из них (противоположностей. – *З.Г.*) – противоположная, и они обе обладают существованием. Кроме того, имеются такие противоположности, [где] у одной из противоположностей нет [ничего], кроме лишения¹⁶. Такие противоположности не существуют вместе, но одна из двух существует, а другая – противоположная ей – лишенность этого существования самого по себе, и для нее (лишенности. – *З.Г.*) установлено имя, которое указывает на то, что она – противоположность своей пары. Среди них (имен. – *З.Г.*) – “существующее” и “несуществующее”, “зрячий” и “слепой”, “говорящий” и “немой” и тому подобное¹⁷.

Мы возвращаемся к рассмотрению первого вопроса и говорим: поскольку невозможно существование единства в теле по причине того, что, в первую очередь, оно (тело. – *З.Г.*) обладает тремя измерениями¹⁸, составляющими его самость, и поскольку к телу приходят природные воздействия, которые делят его на многие виды и выделяют в нем различные индивидуальности, постольку оно получает множественность, обладает противоположными силами и отличающимися друг от друга качествами. И все [то], что среди этих тел имеем меньше видовых отличий, акциденций, и чем меньше оно приемлет противоположные силы, тем оно ближе к существованию, наиболее подобно единому и лучше других, я имею в виду других многосоставных тел, в которых много частей и акциденций, разве только что, несмотря на множественность, обнаружится объединяющая причина, придающая всем телам единую направленность¹⁹. Ведь благодаря ей (объединяющей причине. – *З.Г.*) воз-

вышается [то из тел, которое ближе к единому], как мы упомянули и разъяснили выше.

Поэтому небесные тела являются лучшими, существование в них – наиболее совершенное, ибо они [состоят] из простой пятой природы, в которой нет множественности и нет противодействия [одного другому]. На это указывает их (небесных тел. – *З.Г.*) круговое и единое движение²⁰. Их природа также едина, там нет преобладания одной природы над другой. Противоположное им (небесным телам. – *З.Г.*) – то, что есть у нас среди вещей, состоящих из четырех пород²¹. Если природа одна, то нет противодействия [одного другому]; если нет противодействия [одного другому], то нет преобладания [одного над другим]; если нет преобладания [одного над другим], то нет превращения; если нет превращения, то нет возникновения; если нет возникновения, то нет порчи. Итак, нам стало ясно, что в небесных телах, в отличие от всех природных тел, есть единство – то, что сохраняет в них (небесных телах. – *З.Г.*) существование.

Что касается земных тел, которые есть у нас (людей. – *З.Г.*), то поскольку их не коснулось единство, и они образовались из четырех противодействующих враждебных природ, постольку у них (земных тел. – *З.Г.*) не осталось ничего, подобного единству, за исключением равенства (*мусават*) между ними. И именно равенство во множественных вещах является сильной причиной, которая объединяет их. Это равенство может быть по субстанции, может быть по количеству, по качеству и по другим категориям в совокупности или в соединении. Чем больше в них существование равенства, тем ближе они к единому и существованию и тем больше его соотносительность с величием. По субстанции, например, равны две частицы воды или две частицы земли; среди составных [вещей]²² по субстанции равны две частицы золота. Поистине, они равны по субстанции. Если они равны также по количеству так, что частица одной из них (составных вещей. – *З.Г.*) равна другой частице по количеству и по площади, то естественная справедливость становится явной для восприятия. Если ты представишь линию или прямой шест, параллельный горизонту, разделенный на две равные части в известной точке, то равенство возникнет и в линии²³. Далее, [если] ты представишь, что шест подвешен в этой точке, то линия остается параллельной горизонту, не изменяется ее место и одна ее часть не перевешивает другую. Это [происходит] благодаря равенству, которое есть причина равновесия (*у'тидал*) и справедливости (*'ада*)²⁴. Затем, если к одной из двух сторон этой линии подвешена частица земли, которая равна другой частице по субстанции и площади, а напротив нее подвешена та равная по субстанции и площади частица, то изменения в положении не возникнет и место равновесия не сдвинется. То же самое – в отношении золота и золота, железа и железа, стекла и стекла²⁵ и каждых двух тел одного вида. Если различные субстанции равны по количеству так, что между ними возникнет равновесие таким образом, то они станут соотносенными с единством и существованием. Например, земля и вода различаются по субстанции, но если они равны по тяжести, которая есть качество их [обоих] вместе, то между ними также возникнет объединенность и спра-

ведливость. Если к одной из двух сторон шеста подвешена частица земли, а напротив нее, к другой стороне – частица воды, равная по тяжести частице земли, то возникнет равновесие и линия останется параллельной горизонту, даже если они различаются по субстанции и по качеству, то есть площади. То же самое в отношении золота и железа, свинца и стекла. Ведь одинаковая тяжесть в каждой паре из них сохраняет равновесие в них. Такова естественная справедливость.

Если вещи различны по субстанции, по количеству и по качеству, но равны по сопряженности, то в этом отношении также возникнет равновесие, например между землей и воздухом, между огнем и водой. Ведь эти [стихии], хотя и различаются по субстанции, по количеству и качеству, но сопряженность между их силами равна и сохраняет в них справедливость и существование. И если бы между этими силами, несмотря на их противоположности, эта соотнесенность в сопряженности не была бы равной²⁶, то одни из них были бы обращены в другие, одни преобладали бы над другими, и весь мир был бы разрушен. Ты видишь это воочию. Ведь сфера земли отлична от сферы воздуха, и от сферы воды, и от сферы огня по субстанции, по количеству и по качеству так же, как каждая из оставшихся²⁷ отличается от своего сотоварища²⁸. Если бы не было сопряженности между сухостью земли и влажностью воды, которая приравнивает их по силе и сопряженности, то одно преобладало бы над другим. То же самое [имеет место при соотнесенности] холода воды с жаром воздуха, а также [при соотнесенности] их вместе с огнем. Эта соотнесенность – не по субстанции, не по количеству и не по качеству, поскольку они разные, но, поистине, – по соотнесенности [в] сопряженности. Я имею в виду, что сила некоторого количества жара противодействует силе большего [количества] холода, и небольшое количество этого (жара. – *З.Г.*) равно большому количеству того (холода. – *З.Г.*) так, что [их] силы равны [между собой]. Подобно этому [имеется такая] соотнесенность оставшихся [природ] одних с другими, что одно [становится] равным другому. То же самое – в отношении соотнесенности в составных [вещах], я имею в виду животных, растений, минералов. Ведь в этой соотнесенности – всегда большее равновесие, а составные [тела] – более вечные, менее противоположны друг другу, менее преобладают друг над другом, медленнее изменяются и медленнее меняют форму. Среди всех вещей соотнесенность верна или близка к верности в золоте, поэтому оно – самое совершенное из субстанций, состоящих из этих стихий (жара, холода, влажности, сухости.– *З.Г.*)

Поиск этой соотнесенности труден для алхимиков, которые написали много книг по ней, дали определение ей и назвали это учение “наукой о весах”²⁹. Эта наука, клянусь моей жизнью, доставляет беспокойство и весьма трудна³⁰. Вероятен вопрос о человеке – самом сложном и вместе с тем самом благородном из сущих в мире бытия, а это противоречит тому, о чем мы много говорили и что категорически установили. Но мы утверждаем, что человек действительно благороден благодаря чему-то, что имеется в нем, объединяет его множественность и всем его частям придает единую направленность³¹, при этом они (части. – *З.Г.*) восходят к силе, которая называется “общим чувством”. Далее, дейст-

вительно, этот единый правитель действует в них (частях. – З.Г.), некоторые из которых уничтожаются, если они ложные и утверждаются, если они истинные. То же самое – в отношении всех сил и частей человека, ведь они объединяются посредством того единого нечто. Далее, ведь по причине его (человека. – З.Г.) благородства и истинности единства в нем [есть то], что если во всех множественностях возникнет единство, то и они (множественности. – З.Г.) и он (человек. – З.Г.) станут одним и тем же. Если бы не эта превосходная и великая добродетель, которой наделен человек, но не все животные, то он был бы самым низким из них (животных. – З.Г.) и самым низменным из них, более того, – самым порочным из всего сущего. Однако благодаря этому особенному достоинству он (человек. – З.Г.) стал очень благородным и великим. Человеку посредством этого благородного нечто, данного только ему, обретает величайшее счастье и достигает блага здешней и будущей [жизней]³².

Что касается условной справедливости, то она имеет два вида: общий и частный. К общему относится то, с чем соглашаются все люди. Например, люди всего мира единогласно соглашаются с [проведением] сделок с золотом³³. Действительно, оно (золото. – З.Г.) – ценитель каждого ремесла и дела³⁴, заменитель абсолютно всех субстанций. Хотя это произошло по соглашению и договоренности, оно однако не случайно и не просто так, но после долгого рассмотрения, тщательного изучения и предварительного знания. Ведь люди, несмотря на их различия, сходятся³⁵ в том, что золото – самое вечное из всего сущего в этом мире, самое легкое [из всего, что можно носить], самое западающее в душу, наиболее приятное для глаза, его существование – самое дорогое, и оно – самое далекое от порчи³⁶. Ведь тот, кто обменивает многочисленные вещи и приобретает его (золото. – З.Г.) вместо них (вещей. – З.Г.) и взамен их всех, – прав, поскольку он благодаря ему (золоту. – З.Г.) найдет, что пожелает и когда пожелает³⁷. Оно (золото. – З.Г.) – обеспечивающее безопасность ему (человеку. – З.Г.) на протяжении всей его жизни от [всех] видов порчи, которые постигают [все], кроме его (золота. – З.Г.). Если он (человек. – З.Г.) накапливает его (золото. – З.Г.) для себя и своих потомков, то его не изменят ни вода, ни огонь, ни воздух, ни земля. Серебро считается его заменителем, десять [монет] его (серебра. – З.Г.) оценивается каждым [человеком] в одну [монету] его (золота. – З.Г.), поскольку оно (серебро. – З.Г.) – следующее за ним (золотом. – З.Г.) в отношении вышеупомянутых качеств.

Что касается частной условной справедливости, то она-то, о чем улавливаются некоторые народы в некоторых регионах, о чем договариваются жители некоторых городов до тех пор, пока число [жителей городов] не достигнет малого числа, одного дома, и пока двое не условятся о деле, которое им нужно, которое их уравнивает и которое они не нарушат. Примеров этому много. Мы не будем внимательно это исследовать, потому что договоренность и частное соглашение никем не уточняются. Но мы, несомненно, находим их многочисленным и широко распространенным на практике³⁸. А именно, последователь сунны и составитель шариата, в соответствии с обстоятельством и силой характера, которыми они управляют, и согласно обычаям, которые они на-

блюдают, допускают положения, которые нельзя установить навсегда. Они (положения. – З.Г.) изменяются с изменением обстоятельств и обычаев³⁹, и каждое из них в свое время есть справедливость, а неповиновение им есть несправедливость.

Что касается справедливости, связанной со свободным действием, которая существует только в человеке и которой он (человек. – З.Г.) гордится, то она – примирение сил души друг с другом так, что одни не преобладают над другими⁴⁰ и не действуют друг против друга. Она (справедливость, связанная со свободным действием. – З.Г.) относится к душе так же, как душа относится к телу. Если качества пропорциональны умеренному смешению, то они не преобладают друг над другом. Согласно величию души и ее превосходству над телом имеет место достоинство и превосходство здоровья ее (души. – З.Г.) над здоровьем его (тела. – З.Г.).

Что касается божественной справедливости, то она существует в том, что после природного⁴¹, в вечном и бесконечном существовании. Различие между ней (божественной справедливостью. – З.Г.) и естественной справедливостью, несмотря на то что [естественная справедливость] также вечна, в том, что ее [божественной справедливости. – З.Г.] существование – в материи, а у другой (естественной справедливости. – З.Г.) нет существования, кроме как в материи. Последователи Пифагора представляют этот смысл числом⁴². Ведь если [число] будет лишено считаемого, то в нем самом обнаружатся необходимые собственные признаки и порядок. Это – лучшая помощь в достижении цели этой главы. А именно, никто не сомневается в том, что в собственных признаках предмета чисел происходит изменение в любое время так, что о собственном признаке четного думают, что он изменится и перейдет в другой [собственный признак] чем тот, который он есть сейчас. Никто не говорит о том, что, вероятно, в прошлом он (собственный признак. – З.Г.) был другим, чем тот, которым он является сейчас. Это особенно становится ясным в арифметике⁴³, а также в свойствах, которые присущи величинам, лишенным тел, я имею в виду геометрию⁴⁴. Специалист по этим двум наукам (арифметике и геометрии. – З.Г.) способен изучить божественные вещи⁴⁵, которые не имеют материи и не нуждаются в ней, но лишены ее. Это есть суть божественной справедливости, о которой здесь неуместно больше говорить. [Сказанного] достаточно для тех, кто изучает божественную справедливость и отдает ей должное. С помощью Аллаха “Рисала” завершилось. Хвала Аллаху истинным хвалением Его. Да благословит Аллах своего Пророка и весь Его род. И достаточен для нас один Аллах.

КОММЕНТАРИИ

¹ Под философским порядком понимается та последовательность, в которой принято рассматривать подобные философские вопросы.

² Плотин, отождествляя первоединое с верховным существом, пишет: “Верховное существо не имеет в себе инаковости”. *Плотин. Сочинения*. СПб.: Алетейя, 1995. С. 288.

- ³ Такой причиной, позволяющей приблизиться к Единому, Плотин называет “освобождение от инаковости”: “мы соприсутствуем ему (верховному существу. – З.Г.) тогда, когда освобождаемся от инаковости”. Там же. С. 288.
- ⁴ О том, что из вещей обладает высшей степенью единства, а что – низшей, Плотин пишет: “Дальше всего отстоит от единства все дискретное, разделенное, как например, хор, ближе к нему стоит все непрерывное, сплошное, а еще более причастна единству душа”. Там же. С. 277. Однако далее Плотин подчеркивает, что и душа не тождественна единству, а лишь имеет его своим началом.
- ⁵ Данное положение Мискавейха можно сравнить со следующим высказыванием Плотина: “Благо – это бытие”. Там же. С. 596.
- ⁶ Платон пишет: “К благу стремится любая душа и ради него все совершает”. Платон. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. С. 312. Плотин называет благом то, “от чего все зависит и к чему стремится все сущее, имея его своим началом и нуждаясь в нем”. Плотин. Сочинения. С. 591. Однако истинность положения – “все стремится к благу” – Плотин подтверждает лишь при условии, “если все существа нуждаются в единстве, стремятся к единству, образуют единство”. Там же. С. 172. Мискавейх, выдвигая вторую посылку, также подчеркивает, что “природа добра есть природа существования”, а существование – в едином. То есть и Плотин, и Мискавейх говорят о тождественности единого, блага и бытия.
- ⁷ Плотин пишет: “если зло и существует [каким-то образом], то существует оно в несуществующих [вещах], как некий вид несуществующего, существует в некоем [разряде вещей, смешанных с небытием или в той или иной мере причастных небытию”. Там же. С. 592. Согласно Плотину, зло существует “как некий вид несуществующего”; Мискавейх же пишет, что зло – “небытие во множестве”. Суть этих двух высказываний сводится к тому, что любые вещи, причастные небытию, причастны злу, а значит, они – несуществующие.
- ⁸ В данном случае “несуществование во множестве” несет в себе смысл несуществующих вещей, или отсутствия.
- ⁹ Здесь речь идет о том, что материя (зло) лишена формы (блага), а значит материя есть множественность. Рассматривая этот вопрос, Плотин отмечает: “...материя – совершенно непричастная благу, лишенность блага и полное его отсутствие – она уподобляет себе все, что бы ни соприкоснулось с нею и сколь бы ничтожно [ни было соприкосновение]. Там же. С. 594.
- ¹⁰ Согласно Плотину, материя – “первое зло и зло само по себе”, т.е. она есть зло для чего-то. Там же. С. 593. Мискавейх же не говорит о том, что материя – зло само по себе, но имеет в виду, что материя – это то, от чего исходит зло.
- ¹¹ Мискавейх утверждает, что несуществование болезни, несправедливости и смерти не может быть лучше их существования. Обосновывая это положение, автор пишет, что “болезнь”, “несправедливость” – имена тому, чего нет, но они – имена – необходимы для указания на то, что несуществование – болезнь – принадлежит существованию – здоровью. Речь идет о том, что несправедливость (или болезнь), если и есть, то только в силу того, что существует справедливость (или здоровье), а несправедливость (или болезнь) как таковая не существует. Плотин в “Энеадах” пишет: “И [одно из них] (противолежащих. – З.Г.) имеет само бытие ложно и есть изначально и подлинно ложь; другое же [обладает бытием] и подлинно есть само бытие. Там же. С. 597. Согласно этой цитате, и существование, и несуществование имеют бытие, но первое – бытие истинное, а второе – бытие ложное. У Мискавейха нет идеи ложности или истинности бытия двух противолежащих. Он утвер-

ждает существование существования и отрицает существование несуществования.

- 12 Автор определяет болезнь как “потерю равновесия естественного смешения”, а несправедливость как “потерю справедливости”. Для обозначения слов “равновесие” и “справедливость” автор использует слова “*и’тидал*” и “*адл*”, которые имеют один и тот же корень “-д-л”. Первое – “*и’тидал*” – указывает на “умеренность; равномерность; соразмерность”; второе – “*адл*” – на “справедливость, правосудие; беспристрастие”. И болезнь, и несправедливость выступают как потеря некой умеренности в первом случае и умеренности как справедливости – во втором.
- 13 Речь идет о том, что с прекращением действий души прекращается жизнь тела. Абу Хайян ат-Таухиди пишет: “Душа – сила и жизнь тела”. Мин китаб ал-имта’ ва ал-му’анаса (букв.: Книга об удовольствии и дружбе). Дамаск, 1978. С. 227.
- 14 Согласно Аристотелю, “расстояние между крайностями самое большое”. *Аристотель* Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 259. Плотин пишет: “Ведь противоположности – это то, что удалено друг от друга на наибольшее расстояние”. *Плотин*. Сочинения. С. 597.
- 15 Здесь можно привести следующее высказывание Аристотеля: “Все противоположности необходимо принадлежат к одному и тому же роду (ведь их род цвет), справедливость и несправедливость – к противоположным родам (ведь для первой род добродетель, для второй – порок), благо же и зло не принадлежит к какому-либо роду, а сами называются родами для другого”. *Аристотель* Сочинения. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 261.
- 16 Аристотель в “Категориях” указывает на четыре вида противоположащих: “О противоположащих друг другу [вещах] говорится четвероюко: или как о соотнесенных между собой, или как о противоположностях, или как о лишенности и обладании, или как об утверждении и отрицании”. Там же. С. 79. Мискавейх рассматривает два вида противоположащих – противоположность (здоровье и болезнь) и лишенность. О лишенности и обладании Аристотель пишет: “Лишенность и обладание говорится относительно одного и того же, например зрение и слепота – относительно глаза; и вообще, в чем от природы находится [данное] свойство, относительно того можно говорить и о лишенности и об обладании”. Там же. С. 81.
- 17 Мискавейх указывает, что для лишенности как несуществующего, но противоположащего обладанию, установлены имена. Эти имена звучат как “зрячий” и “слепой”, “существующее” и “несуществующее” и т.д. Но для того чтобы установить, насколько верно имя “слепой” дано для указания на лишенность, необходимо обратиться к исследованию этого вопроса Аристотелем. Он пишет: “Слепота есть некоторая лишенность, быть же слепым – значит быть лишенным, но это не лишенность”, ибо “слепым человек называется, а слепотой человек никогда не называется”. Там же, С. 81–82. Поэтому у Мискавейха, когда он пишет – “зрячий” и “слепой”, противоположащими являются не “обладание” и “лишенность”, ведь, по Аристотелю, иначе было бы “слепота” и “зрение”, а “обладать свойством” и “быть лишенным”. Однако “лишенность” и “обладание свойством” и “быть лишенным” и “обладать свойством” равно противоположат друг другу: “... как слепота противоположит зрению, так и бытие слепым противоположит обладанию зрением”. Там же. С. 82.
- 18 Это положение мы встречаем у Аристотеля: “Тело – то, что делимо во всех измерениях. Величина, делимая в одном измерении, есть линия, в двух – плоскость, в трех – тело”. *Аристотель* Сочинения. М., 1981. Т. 3. С. 265.

- 19 Здесь речь идет о том, что тела, в которых много частей и акциденций, объединяет нечто, что сохраняет их самость. Плотин подобным объединяющим нечто называет единство: “Все существа – не только первичные, которые обладают истинным бытием, но и те, которые должны считаться относительно существующими, существуют только благодаря присущему им единству... Армия, например, уже не армия, когда в ней отсутствует всякое единство, – точно так же – хор, стадо и тому подобное”. А коль скоро множественные вещи теряют единство, “раздробленные на многие части, тотчас перестают быть тем, чем были”. *Плотин*. Сочинения, С. 275.
- 20 О движении неба Аристотель пишет, что оно – “мера [всех] движений, так как только оно непрерывно, равномерно и вечно”. *Аристотель*. Сочинения. Т. 3. С. 344. Он также отмечает, что “божественное тело” или небо “имеет круглое тело, которое естественным образом вечно движется по кругу”. Там же. С. 311.
- 21 Здесь Мискавейх под природой подразумевает основу сущего. Аристотель, рассматривая, в каких значениях употребляется слово “природа”, пишет, что “одни считают природой существующего огонь, другие – землю, или воздух, или воду, иные – некоторые из указанных [элементов], а кое-кто – все вместе... Таков один способ определения природы: она есть первая материя, лежащая в основе каждого из [предметов]”. Там же. С. 83–84.
- 22 Мискавейх написал отдельный труд о простых и составных физических телах “Рисала фи таби’ат” – букв.: Трактат о природе. См.: ‘Абд ал-‘Азиз ‘Иззат. “Ибн” Мискавейх. Каир, 1946. Ч. 1. С. 129. В данном тексте Мискавейх делит вещи на простые (огонь, вода, земля, воздух) и составные (золото, железо, свинец). Аристотель пишет: “Всякое тело по необходимости должно принадлежать либо к числу простых, либо к числу составных”. *Аристотель*. Сочинения. Т. 3. С. 274.
- 23 Исследуя направительный вид справедливости, Аристотель отмечает, что “справедливое равенство – это [равенство] двух [долей]”. Там же. М., 1983. Т. 4. С. 150. Эта цитата Аристотеля и высказывание Мискавейха о существовании равенства в линии сводится к тому, что равенство имеет место, где есть середина между двумя сторонами чего-либо. А справедливость есть во всем, где есть середина. “Справедливость – в середине, тогда как несправедливость – в двух крайностях”. *Miskawayh*. *The Refinement of Character*. Beirut, 1968. P. 111.
- 24 Автор, исследуя естественную справедливость на примере физических множественных тел, сводит ее к равенству, которое приближает эти множественные тела, как простые, так и составные, к единству. Согласно Мискавейху, единство тождественно существованию и добру, а добро соотносено со справедливостью. Поэтому равенство – это причина единства, существования и справедливости.
- 25 Речь идет о том, что составные тела делятся на составленные из простых тел и искусственных. Говоря о составных телах, Аристотель отмечает, что одни из них “существуют по природе, другие – в силу иных причин. Животные и части их, растения и простые тела, как-то: земля, огонь, воздух, вода – эти и подобные им, говорим мы, существуют по природе. А ложе, плащ и прочие [предметы] подобного рода... образованы искусственно, не имеют никакого врожденного стремления к изменению или имеют его лишь постольку, поскольку они оказываются состоящими из камня, земли или смешения [этих тел]”. *Аристотель*. Сочинения. Т. 3. С. 82.
- 26 Здесь в тексте дана конъектура издателя – *(масавийан)* (равный, одинаковый).

- 27 Под словом “оставшихся” понимается любая из перечисленных трех стихий – воздух, вода, огонь.
- 28 Слово “спутник” или “сотоварищ” (*сахиб*) в данном случае указывает на другую стихию. Например, *сахибом* стихии воздуха может быть стихия огня и т.п.
- 29 Здесь слово “*мавазин*” мы перевели как “весы”. Однако оно также имеет значение справедливости, беспристрастности.
- 30 Почти все, кто занимался изучением творчества Мискавейха, отмечают его интерес к алхимии. *Йакут ар-Руми*. Му’джам ал-удаба (букв.: Антология писателей, литераторов. Каир, 195?), Т. 5. С. 6; *Амина Биттар*. Мин китаб таджариб ал-умам ли Мискавейх (букв.: Из книги Мискавейха “Опыты народов”). Дамаск, 1984. С. 15; *Encyclopedia of Islam*. E.J. Brill. Leyden, 1983. P. 404). Мискавейх написал две работы по алхимии. См.: ‘Абд. ал-‘Азиз ‘Иззат. “Ибн” Мискавейх. Каир, 1946. С. 139.
- 31 Это положение можно сравнить со следующим высказыванием Плотина: “человек есть и живое существо, и разумное существо и значит, содержит в себе множественность элементов, которые связываются в одно единством”. *Плотин*. Сочинения. С. 285.
- 32 Идея здешней и будущей жизни очень ярко представлена в “Мифе о загробных воздаяниях” Платона, суть которого сводится к следующему: поскольку деяния в здешней жизни влекут за собой награду или наказание в будущей жизни, постольку необходимо “соблюдать справедливость вместе с разумностью, чтобы, пока мы здесь, были друзьями самим себе и богам”. *Платон*. Сочинения. Т. 3, ч. 1. С. 447–454).
- 33 Если Мискавейх в качестве примера, связанного с общим видом справедливости, использовал золото, что у Аристотеля таковым выступает монета. Так, Аристотель отмечает: “по общему договору появилась монета, она существует не по природе, а по установлению”. *Аристотель*. Сочинения. Т. 4. С. 156.
- 34 О монете Аристотель пишет, что она “словно мера, делая вещи соизмеримыми, приравнивает”. И Аристотель, и Мискавейх говорят о монете и золоте как мере и уравниателе всех вещей.
- 35 В тексте имеется пробел (лакуна), отмеченный издателем. Мы здесь использовали слово “сходятся”.
- 36 Мискавейх утверждает, что золото – наиболее вечно из всех вещей, не подвергается никаким изменениям. Монета же, согласно Аристотелю, не обладает вечностью: “Но и монета претерпевает то же, [что и другие блага], ведь не всегда она имеет равную силу. И все же монета более тяготеет к постоянству. Там же. С. 157.
- 37 В “Никомаховой этике” Аристотель обращает внимание на то, что “монета служит как бы залогом возможности обмена в будущем, если возникнет нужда, ибо нужно, чтобы у того, кто приносит [деньги], была возможность приобрести [на них что-либо]”. Там же.
- 38 К “установленной” справедливости Аристотель относит “все [частные вопросы], по которым, голосуя, принимают особые решения”. Причем “изначально не важно так [поступать] или иначе, а тогда важно, когда это [уже] установлено, – например, что [пленника] выкупают за одну мину или что в жертву приносят одного козла, а не двух баранов”. Там же, с. 160.
- 39 Переводчик данного трактата на английский язык в своих комментариях к данному высказыванию Мискавейха отмечает, что слово “*сунан*” (мн. ч. от “*сунна*”) не следует понимать как традиции пророка Мухаммеда. Он пишет:

“При переводе этого слова следует использовать начальное и наиболее общее его значение – “обычай”. Следовательно, “сахиб ас-сунан” переводится здесь как “приверженец обычаев”, а “вадих аш-шари‘а” – как “составитель закона”. An unpublished treatise of Miskawayh on justice / E.J. Brill. Leyden, 1964. P. 30. Но так как Мискавейх для обозначения понятий “обычай” и “закон” использовал слова “сунна” и “шариат”, а не, к примеру, “адат” и “канун”, которые никоим образом не указывают на Сунну и шариат (“адат” и “канун” определенно имеют своим смыслом “обычай” и “закон” и в своем применении для обозначения этих смыслов имеют огромное преимущество перед словами “сунан” и “шари‘а”), то вероятно, что он имел в виду сунну пророка Мухаммеда и мусульманский закон – шариат.

- ⁴⁰ Эту же мысль автор выражает в другой своей работе: “По-настоящему справедливый человек – это тот, кто приводит в гармонию все свои возможности и деятельность так, чтобы одно не превышало другое”. *Miskawayh. The Refinement of Character*. Beirut, 1968. P. 100. О справедливости человека Платон пишет: “каждый из нас только тогда может быть справедливым и выполнять свое дело, когда каждое из имеющихся в нас [начал] выполняет свое”. *Платон. Сочинения*. Т. 3, ч. 1. С. 236. Платон называет три начала: “одно начало – то, посредством которого человек познает, другое – посредством которого он распаляется, третье... – вожделеющее”. Там же. с. 403.
- ⁴¹ Аристотель в “Никомаховой этике” не выделяет божественной справедливости. Он отмечает лишь природную справедливость, относя к ней и справедливость между богами. *Аристотель. Сочинения*. Т. 4. С. 160.
- ⁴² Об отношении числа к божественному Платон пишет, что когда люди говорят – “всякая единица равна всякой единице, ничуть от нее не отличается и не имеет в себе никаких частей”, они имеют в виду “число, которое допустимо лишь мыслить”. *Платон. Сочинения*. Т. 3, ч. 1. С. 336.
- ⁴³ Согласно Платону, арифметика, или “искусство счёта... усиленно влечет душу ввысь и заставляет рассуждать о числах самих по себе, ни в коем случае не допуская, чтобы кто-нибудь подменял их имеющими число видимыми и осязаемыми телами”. Там же. С. 335.
- ⁴⁴ Платон определил геометрию как науку, “которой занимаются ради познания вечного бытия, а не того, что возникает и гибнет”; геометрия “помогает... душе человека обратиться к той области, в которой заключено величайшее блаженство бытия”; она “влечет душу к истине и воздействует на философскую мысль, стремя ее ввысь”. Там же. С. 337.
- ⁴⁵ В этом положении Мискавейха мы находим характерную для некоторых философов идею о невозможности постичь философию без математики. Платон, в частности пишет: “Воину необходимо их (арифметику и геометрию. – З.Г.) усвоить для войскового строя, а философу – для постижения сущности, всякий раз как он вынырнет из области становящегося, иначе ему никогда не стать мыслителем”. Там же. С. 335.